

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-80-92
УДК 314.7:339.9(045)
JEL F22, F24, J61

Международная миграция и реформы миграционной политики

А.А. Ткаченко
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены проблемы регулирования нелегальной миграции развитыми странами и Европейским союзом, показаны достижения, вызывающие не всегда корректную критику, возможности использования опыта ряда стран и новых подходов. Особое внимание уделено международным организациям, занимающимся проблемами международной миграции, сделан вывод об отсутствии четкого разделения их функций по видам миграции, что мешает формированию долгосрочной политики. Сформулированы предложения по усилению роли Международной организации труда (МОТ) в нормотворчестве по трудовой миграции, играющей все большую роль в устойчивом развитии; сделан вывод о необходимости изменения статуса конвенций по миграции, без чего невозможно эффективное регулирование трудовой миграции. Выделены страны Персидского залива, привлекающие внешних трудовых мигрантов, несмотря на быстрый рост местного населения. Выявлено отличие в политике стран по отношению к трудовой миграции в XXI и XX вв. Введено понятие «фидуциарная обязанность» правительств федеральных государств по отношению к внешней миграции.

Ключевые слова: международная миграция; миграционная политика; денежные переводы; регулирование миграции; иностранная рабочая сила; миграционные коридоры; нелегальная миграция; незаконная миграция; конвенции по миграции

Для цитирования: Ткаченко А.А. Международная миграция и реформы миграционной политики. *Мир новой экономики*. 2024;18(1):80-92. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-80-92

ORIGINAL PAPER

International Migration and Migration Policy Reforms

A.A. Tkachenko
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the problems of regulating illegal migration by developed countries and the European Union, the achievements that cause not always correct criticism, and the possibilities of using the experience of a number of countries and new approaches in this regulation are shown. Particular attention is paid to international organizations dealing with the problems of international migration. It was concluded that there is no clear division of their functions by type of migration, which prevents the formation of long-term policies. Proposals were formulated to strengthen the role of the International Labour Organization (ILO) in rule-making and norm-setting on labor migration, which plays an increasingly important role in sustainable development. It was concluded that it is necessary to change the status of the migration conventions, otherwise effective regulation of labor migration is impossible. The countries of the Persian Gulf that attract external labor immigrants despite the rapid growth of the local population are highlighted. The difference in countries' policies towards labor migration in the 21st century compared to the 20th century is shown. The concept of "fiduciary duty" of federal governments in relation to external migration was introduced.

Keywords: international migration; migration policy; remittances; migration management and regulation; foreign labor force; migration corridors; illegal migration; irregular migration; convention on migration

For citation: Tkachenko A.A. International migration and migration policy reforms. *The World of New Economy*. 2024;18(1):80-92. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-80-92

© Ткаченко А.А., 2024

ВВЕДЕНИЕ

Перед миром стоит целый набор острых вопросов, которые стали называть поликризисом. Есть ли проблемы миграции в этом ряду? Ведь в отношении нее существуют как различные точки зрения, так и общее мнение как о кризисном явлении, угрожающем развитым странам нашествием просящих убежище и живущих за счет системы социальной поддержки, получив его. Казалось бы, кризис подтверждается впечатляющими цифрами, оказывающими сильнейшее воздействие на обывателя и используемыми политиками в своих интересах. Происходит даже сдвиг в политике многих европейских стран, который называют «зловещим». Разумеется, данные только за 2022 г. об увеличении случаев незаконного пересечения границы в странах — членах ЕС на 64%, по сравнению с 2021 г., по меньшей мере, озадачивают¹. Показатели за 2023 г. говорят о сохраняющейся сложности ситуации.

Катастрофические события² способствуют массовой эмиграции, при которой число беженцев превышает миллионы — это могут быть гражданские войны (Судан, Сирия), острые внутренние системные кризисы (Венесуэла) и даже этнические чистки (Мьянма). В этих случаях важная, если не основная роль принадлежит ООН и ее международным организациям, прежде всего Агентству и Управлению Верховного комиссара (УВКБ ООН), главная задача которых — гуманитарная помощь, хотя многие страны непосредственно посылают ее в пострадавшие районы. В первой пятерке стран, где осели максимальные по численности группы беженцев, присутствует только одна высокоразвитая — Германия (2,5 млн чел.), чья политика в XXI в. в основном была более мягкой по сравнению с другими европейскими государствами. В первой пятерке также Пакистан (1,7 млн чел.), Колумбия (2,5), Иран (3,4) и Турция (3,6 млн чел.). Очевидно, что эти страны соседствуют с территориями, где чрезвычайные события вызвали массовое бегство.

За последнее десятилетие удвоилось число насильственно перемещенных лиц, достигнув в 2023 г. 114 млн в результате увеличения в 2 раза количества вооруженных конфликтов, что является самым высоким показателем с начала XXI в. За 2023 г. ЕС

получил более 1 млн заявлений о предоставлении убежища — на 21,3% больше, чем в 2022 г. (самый большой рост с миграционного кризиса 2016 г.)³.

Вполне ожидаемо, что в XXI в. существуют две основные точки массовой иммиграции — Западная Европа и Северная Америка, что вызвано не только уровнем их благосостояния, но и территориальной доступностью для оттока мигрантов из соседних стран. Наиболее острый и спорный вопрос в США за последние десятилетия — проблемы нелегальной миграции, решая который, власти стремятся к расширению ее законных путей и обеспечению соблюдения закона. Так, правительство Байдена депортировало на родину около полумиллиона человек, не имевших законного статуса для пребывания в США⁴.

Несмотря на то что страны ЕС в целом вышли из миграционного кризиса, данный вопрос остается очень важным не только для них, но и для стран, откуда эмигранты устремляются в Европу, отдавая явное предпочтение тем государствам, где более высокий уровень социальных гарантий для мигрантов, включая беженцев. Всемирный банк (ВБ) преподносит вопрос миграции как феномен, который становится все более необходимым «для стран с любым уровнем дохода»⁵. Это подтверждают и данные по США, где «продолжающийся рост иммиграции является основной движущей силой скромных темпов роста населения» страны⁶. То же самое наблюдается и в ряде других высокоразвитых стран. ВБ считает, что мигранты и диаспоры⁷ могут внести вклад в дальнейшую интеграцию стран своего происхождения в мировую экономику и даже облегчить торговлю и потоки прямых иностранных инвестиций. Это свидетельствует о том, что новая экономика XXI в., помимо общепризнанных характеристик технико-экономического свойства, будет также поддерживаться трудовой миграцией,

³ Migration Outlook 2024. Ten migration issues to look out for in 2024. ICMPD, 2024. 40 p.

⁴ URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/01/us/undocumented-immigrants-exodus-us.html>

⁵ World Bank 2023. World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies. Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank; 2023. 318 + xxviii p.

⁶ URL: https://www.brookings.edu/articles/immigration-is-driving-the-nations-modest-post-pandemic-population-growth-new-census-data-shows/?utm_campaign=Brookings%20Brief&utm_medium=email&utm_content=288933888&utm_source=hs_email

⁷ Диаспора / Демографическая энциклопедия. М.: Энциклопедия; 2013.

¹ Migration Outlook 2023. Ten migration issues to look out for in 2023: Origins, key events and priorities for Europe. ICMPD, 2023. 35 p.

² То, что ООН (Агентство ООН по делам беженцев) определяет как события, серьезно нарушающие общественный порядок (seriously disturbing public order).

без которой она уже не сможет быть экологично равновесной.

Генеральный секретарь ООН в 2018 г. от имени глобального сообщества поинтересовался: «Чего мы хотим: миграции как источника процветания и международной солидарности или миграции как олицетворения бесчеловечности и социальных разногласий?»⁸.

МИГРАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Важную роль в разработке и функционировании международных механизмов регулирования миграции и в принятии решений мирового сообщества в отношении миграционных проблем играют: Международная организация по миграции (беженцы) — МОМ, Международная организация труда (трудова́я миграция) — МОТ, Всемирный банк (ремиттансы) — ВБ и ряд других организаций и объединений, например ОЭСР⁹.

Достойное внимание указанным вопросам было уделено лишь в 2005 г., когда Генеральная Ассамблея ООН приняла решение провести в сентябре 2006 г. диалог на высоком уровне о международной миграции и развитии (резолюция 60/227). Результатом его стало создание Глобального форума по миграции и развитию (GFMD)¹⁰, который впервые состоялся в 2007 г. в Бельгии¹¹. Значительно раньше, в 1985 г., 19 самых развитых государств мира, являющихся основными реципиентами внешней миграции, создали многостороннюю организацию — Межправительственные консультации по вопросам миграции, убежища и беженцев (IGC)¹², членство в которой позволяет, по их мнению, влиять на международные механизмы управления и при-

нятия решений в отношении миграции, включая определение направлений миграционной политики. Хотя участие в IGC подразумевает помощь в обеспечении упорядоченного и гуманного управления миграцией и содействие международному сотрудничеству в данной области, Европейский миграционный кризис 2014–2016 гг. продемонстрировал значительные трудности в поиске практических решений проблем как геополитического, так и экономического характера.

Эксперты международных организаций и независимые исследователи длительное время изучали влияние миграции на уровень заработной платы в принимающих сообществах и пришли к выводу, что заработная плата не понижается при увеличении численности работников за счет внешних мигрантов. Например, данный тезис подтверждает новое большое исследование подобного влияния в потоках Мексика → США, Канада на уровне местных североамериканских сообществ в период 2000–2015 гг., охватывающем и Великую рецессию (Great Recession, 2008–2013) [1, p. 8].

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

Для защиты трудовых мигрантов и членов их семей у МОТ имеется целый ряд конвенций — как специализированных, так и относящихся к регламентации других вопросов: женского и детского труда, принудительного труда и др. Для полноценной защиты мигранта, как в стране прибытия, так и происхождения, необходимо, чтобы они ратифицировали конвенцию(и). МОТ ввела фундаментальные/основополагающие (Fundamental) конвенции, которые обязаны ратифицировать все государства — члены этой организации. К ним относятся и две конвенции о принудительном труде, при этом конвенция 1930 г. имеет протокол, принятый в 2014 г. и, в соответствии с нормами МОТ, подлежащий отдельной ратификации¹³. Все государства Персидского залива¹⁴ ратифицировали обе конвенции о принудительном труде (что помогает защищать трудовых мигрантов, в том числе на международном уровне), но протокол ратифицировала только Саудовская Аравия. Так,

¹³ Этим воспользовались многие страны, так как конвенцию ратифицировало 181 государство из 187, а протокол — только 60.

¹⁴ Здесь и далее имеются в виду государства — члены Совета сотрудничества Залива (Cooperation Council for the Arab States of the Gulf).

⁸ World Bank 2023. World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies. Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank; 2023. 318 + xxviii p.

⁹ Международные организации, занимающиеся вопросами миграции. URL: <https://migrationnetwork.un.org/network-terms-of-reference>

¹⁰ URL: <https://www.gfmd.org/>

¹¹ Первый Глобальный форум по делам беженцев состоялся только в 2019 г.

¹² The Intergovernmental Consultations on Migration, Asylum and Refugees (IGC) является неформальным форумом для межправительственного обмена информацией и проведения политических дискуссий по всем вопросам регулирования/управления международными миграционными потоками. Это первый в мире межгосударственный консультационный механизм по вопросам миграции.

в 2016 г. Международная конфедерация профсоюзов возбудила иск¹⁵ против ОАЭ за несоблюдение Конвенции МОТ о принудительном или обязательном труде (№ 29) [2]. Ответы правительства ОАЭ свелись в основном к практике выполнения положений о детском труде (особое внимание было уделено наездникам верблюдов)¹⁶. Как отмечает МОТ, в ОАЭ «не хватает адекватной правовой базы, которая предотвращала бы попадание рабочих-мигрантов в ситуации или практику, приравняемые к принудительному труду» [2, р. 2562]. МОТ следит как за тем, насколько закон ОАЭ отвечает требованиям ратифицированных конвенций, так и за его применением. Например, запрашивает правительство о предоставлении статистической информации о количестве трудящихся-мигрантов, в том числе домашних работников, которые обратились за юридической помощью; о результатах трудовых споров мигрантов¹⁷.

Ратифицированные конвенции сами по себе являются правовой основой, опираясь на которую национальное законодательство должно быть приведено в соответствие. ОАЭ ратифицировали Конвенцию об упразднении принудительного труда 1957 г. (№ 105) еще в 1997 г., в отличие, например, от соседнего Катара (2007 г.), поэтому задержка с принятием закона свидетельствует о трудностях имплементации норм даже ратифицированных конвенций.

Несмотря на постоянно растущее число мигрантов в мире, большинство стран не ратифицировали конвенции МОТ о миграции. Так, Конвенция о миграции в целях трудоустройства (пересмотренная) 1949 г. (№ 97) ратифицирована всего лишь 54 государствами, среди которых нет стран Персидского залива, но есть крупные реципиенты из числа развитых стран: Германия, Франция, Италия, Испания, Новая Зеландия. Еще меньше ратификаций (30) у Конвенции о трудящихся-мигрантах (дополнительные положения) 1975 г. (№ 143)¹⁸; среди ратифицировавших нет стран-реципиентов

из названных, кроме Италии, и отсутствуют крупнейшие экономики мира.

Наше внимание к странам Персидского залива связано с их уникальностью: они нуждаются в трудовых мигрантах и привлекают их как *временную* рабочую силу и в то же время имеют быстрорастущее за счет рождаемости местное население. Так, население ОАЭ с даты образования государства (1971 г.) выросло в 31 раз (2022 г.). Численность мигрантов (иностранцев граждан) различается по эмиратам, их минимальная доля в Эль-Фуджайра составляет 61% всего населения, максимальная — в Дубае — 91%; а доля в занятом населении — 96% [3, р. 11].

Необходимо отметить, что ни одна из стран Персидского залива не ратифицировала Конвенцию МОТ о домашних работниках 2011 г. (№ 189), хотя это важнейший сектор по привлечению иммигрантов наряду со строительством. Так, 52% женщин-мигрантов заняты в домашнем секторе ОАЭ [3, р. 3]; из более чем 1 млн филиппинцев 20% — домашние работники (в основном няни и горничные) [4, р. 4].

Несмотря на усилия МОТ, не удается решить проблему низкого уровня ратификации многих конвенций как источника регулирования общественных отношений [5, с. 38]. Это, безусловно, сдерживает расширение международного права и в области миграции. Поэтому необходимо добиться ратификации «миграционной» конвенции(й) всеми странами-реципиентами. Но это можно сделать только в случае, если Административный совет МОТ выступит с предложением, а Международная конференция труда примет решение о переводе Конвенции № 143 в ранг фундаментальных. Это сложный процесс, но без его решения эффективное регулирование/управление¹⁹ трудовой миграцией в современном мире невозможно.

Политика в отношении трудовой миграции меняется даже в довольно консервативных странах, — так, Саудовская Аравия в 2023 г. высказала желание привлекать иностранных рабочих с помощью менее ограничительной политики²⁰.

ПРОБЛЕМЫ ЕДИНОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЕС

Для эффективного регулирования внешних миграционных потоков (особенно в случае их быстрого

¹⁵ В 2001 и 2002 гг. с претензиями о нарушениях ОАЭ конвенций к МОТ обращалась и Международная конфедерация свободных профсоюзов.

¹⁶ Случаи недобровольной эмиграции/вывоза несовершеннолетних из стран Юго-Восточной Азии.

¹⁷ URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:13101:0::NO:13101:P13101_COMMENT_ID:4049842.

¹⁸ Полное название: Конвенция № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения.

²⁰ URL: <https://www.bloomberglia.com/english/saudi-arabia-wants-to-attract-foreign-workers-with-less-restrictive-policies/>

и значительного роста) большое значение имеет принцип наднационального сотрудничества [6], которое в ЕС, несмотря на провал попыток согласованного переселения беженцев из стран прибытия в Европу, имело и другую цель — мониторинг внешних границ для сдерживания нелегальной миграции.

Из бюджета ЕС в 2014–2020 гг. на управление миграцией и убежища было направлено 10 млрд евро. За период 2021–2027 гг. эта сумма вырастет до 22,7 млрд евро [7, р. 56]. Такие различия в финансировании свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что серьезность ситуации была осознана не сразу. В то же время страны ЕС проводят и национальную миграционную политику, подвергающуюся не только общественной, но и исследовательской критике. Предполагая, как некоторые исследователи, что экспертные и правительственные круги Германия «не учли, что миграция со временем размывает идентичность государства, меняет его внутриполитический ландшафт» [8, с. 53], нельзя не отметить, что в это же время происходит ассимиляция и адаптация мигрантов в рамках существующей идентичности.

Объективные трудности адаптации²¹ приводят к эмоциональному отрицанию положительных свойств миграции, которое используют в политической борьбе, далекой от общественных интересов. Те политические силы (партии, политики, общественные союзы), которые играют на антимиграционных настроениях части населения и предлагают заведомо неправомерные ограничения, считаются опасно популистскими и даже экстремистскими.

Самым серьезным в переходе от интеграции к фрагментации европейских экономик представляется шенгенский кризис, хотя Шенгенская зона не является прямым следствием ЕС и была инкорпорирована в единое законодательство только согласно Амстердамскому договору (1999 г.). Создание внутренних барьеров, препятствующих переезду мигрантов-беженцев из одной страны Союза в другую, было крайне вредным решением для интеграции, к тому же неэффективным в длительной перспективе [9]. Не удалось принять план Комиссии ЕС касательно механизма постоянного переселения

беженцев — его отклонили, но наднациональное сотрудничество (supranational cooperation) было усилено для управления потоками и мониторинга союзных границ [6, р. 1122].

Особое место в миграционном кризисе ЕС занимает Турция. С одной стороны, она ставит практический вопрос об использовании беженцев для восстановления страны после разрушительного землетрясения 2023 г., а с другой, ссылаясь на предложения ООН к ЕС и западным странам в целом, просит о предоставлении торговых льгот при условии создания устойчивых рабочих мест в формальном секторе экономики для сирийских беженцев и местных жителей. Таким образом, и столь желанное развитие, и трудовая адаптация беженцев/мигрантов требует новых вложений тех же высокоразвитых стран. Рассмотрим эти затраты на примере.

МАСШТАБЫ НЕДОБРОВОЛЬНОЙ И НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В XXI В.

На начало 2023 г. в мире насчитывалось 108,4 млн насильственно перемещенных лиц²², из которых 76% размещены в странах с низким и средним уровнем дохода и еще 20% — в наименее развитых странах²³. Причина массовой эмиграции или совокупность причин ясно обозначена самими мигрантами, шестиве которых, например из Центральной Америки в США, проходило под девизом «Исход от бедности».

Впечатляющим примером масштабов миграционной волны, вызванной военными действиями, и методов защиты от нее является сирийская катастрофа в период вооруженных конфликтов в этой стране и последующего системного кризиса. Для погашения этой волны весной 2016 г. было заключено соглашение между ЕС и Турцией для максимально возможного сокращения числа мигрантов, попадающих в ЕС по центрально-средиземноморскому маршруту, в основе которого лежала договоренность о финансовой помощи в объеме 6 млрд евро, снятии визовых ограничений для турецких граждан при определенных условиях и ряд других вопросов. Несмотря на предрекания провала со стороны третьих стран и недовольство внутри самого ЕС, соглашение не только продолжает действовать (Турция уже получила 9,9 млрд евро), но и позволи-

²¹ Сообщество мигрантов независимо от его формы — диаспора или расселение (городской анклав мигрантов), представляет из себя функциональную систему, которая может обеспечивать гомеостаз как в результате взаимодействия с местным сообществом, так и за счет чисто внутренних источников, замыкаясь в себе.

²² Самый катастрофический период — середина 2000-х гг.

²³ Global trends forced displacement in 2022. Copenhagen: United Nations High Commissioner for Refugees; 2023. 48 p.

ло успешно решить проблему нашествия беженцев на Европу: по состоянию на 2023 г., их большее число — 15,22 тыс. — приняла Германия; далее идут Франция и Нидерланды — более 5,5 тыс.; значительно меньшие по населению Швеция и Финляндия расселили 3,1 и 2,7 тыс. чел. соответственно. Если сравнить эти страны по относительному показателю на 100 тыс. населения, то Финляндия лидирует (49,4), затем следуют Нидерланды (31,6) и Швеция (30,4). Значительно меньший показатель у Германии (18,3), но он больше, чем у Бельгии и Франции (8,7). Говорить о волне сирийских мигрантов, «затопившей» западные страны, сообразуясь с этими цифрами, совершенно неверно — всего на Запад переселилось чуть более 37 тыс. чел.²⁴ Поэтому нельзя не учитывать роль Турции как успешного барьера на пути мигрантов-беженцев в будущей политике стран ЕС и других, испытывающих подобные проблемы. Подобное было бы эффективно на пути мигрантов в Северную Америку через Мексику, но эти потоки, вызывающие столь острые политические баталии в США, составляют в основном не беженцы в результате бедствий, а те, кто ищет лучшей доли как по чисто экономическим, так и по совокупности различных причин.

Кроме Центрально-Средиземноморского потока существует и второе крупное направление — Италия, поток нелегальной миграции в которую в 2023 г. вырос более чем на 50%, составив 158 тыс. чел.²⁵ Ливия и Тунис также стали ключевыми транзитными узлами, в том числе для беженцев и ищущих лучшей доли. Но попытки ряда средиземноморских стран (той же Италии) создать буфер не принесли заметных положительных результатов.

Чрезвычайная нагрузка, вызванная нерегулируемыми миграционными потоками, которая легла на ряд стран, привела к поискам совершенно новых решений данной проблемы. Самым неожиданным стала попытка британского правительства²⁶ договориться с правительством Руанды о переселении тех, кто не получил убежища в Великобритании, в эту африканскую страну. Данный план можно оценить

как грандиозный²⁷, хотя и слишком сложный для быстрого воплощения в жизнь. Его успешное осуществление привело бы не только к решению проблемы в Британии, но и к развитию самой Руанды. Столь необычный проект вызывает сопротивление Британии (решения Верховного и Апелляционного судов) и международных организаций (Human Rights Watch) и скептицизм части мирового сообщества. Не давая явной оценки продолжающимся усилиям британского и руандийского правительств, найти выход из тупика и начать прием мигрантов в Руанде, можно, по крайней мере, заключить, что этот неожиданный проект показывает очень широкие возможности поиска решений при кризисных ситуациях.

Необходимо отметить, что по «турецкому коридору» следовали мигранты из стран Ближнего Востока, по «средиземноморскому» — представители африканских стран. Так, в первом потоке в год апогея миграционного кризиса (2015 г.) преобладали граждане Сирии (50% всех получивших статус защиты в государствах — членах ЕС²⁸), их же было большинство среди эмигрантов в Греции (57%), куда 22% из них прибыли из Афганистана и 5% — из Ирака. Среди перебравшихся в Италию преобладали граждане Эритреи (25%), Нигерии и Сомали (по 10%), а мигранты из Сирии составляли лишь 7% [7, p. 56].

Если международное сообщество уделяет и, вероятнее всего, будет уделять большое внимание событиям, вызывающим миграционные волны, то главное бремя ложится на самые развитые страны мира, в том числе уже оказывающие поддержку в рамках помощи в целях развития. Но многие европейские эксперты на этом не останавливаются и считают, что успешность/эффективность регулирования нелегальной миграции будет зависеть от того, в какой мере страны Глобального Севера будут оказывать поддержку странам, наиболее пострадавшим от роста цен на продовольствие, стимулируя производство продуктов питания и повышая устойчивость сельскохозяйственного сектора [10]. Нельзя не согласиться, что это важный фактор контроля нелегальных миграционных потоков, но будущее наименее развитых стран в таком случае станет связано в основном с постоянным ростом помощи

²⁴ Данные и расчет автора по: URL <https://de.euronews.com/my-europe/2023/03/31/was-wird-aus-dem-eu-migrationsabkommen-mit-der-turkei-wenn-die-opposition-die-wahlen-gewin>

²⁵ URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/mediterranean/location/5205>

²⁶ Статистика МВД Великобритании показывает рост нелегальной миграции в эту страну в 2023 г. на 60% по сравнению с 2022 г. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/migrants-return-to-lorries-as-weather-thwarts-channel-crossings-7rtlwp3pw>

²⁷ Как по политическим и экономическим причинам, так и по их последствиям.

²⁸ В 2019 г. страны ЕС предоставили защиту 295,8 тыс. просителям убежища, из которых почти каждый третий (27%) прибыл из Сирии.

им и росту «бремени» «богатых» стран. Такой путь является, как представляется, самым очевидным и простым, но ведет не к цели устойчивого развития экономики этих стран, а, скорее всего, к появлению новых проблем.

Наиболее известные постоянные потоки мигрантов: Россия ↔ страны Центральной Азии, США ↔ Мексика, Германия ↔ страны Восточной Европы, — сильно влияют на демографию и экономику в принимающих сообществах.

Несмотря на позицию многих развитых стран (в том числе России), состоящую в том, что надо применять селективный подход для въезда мигрантов *высокой квалификации* и дефицитных профессий, все они одновременно нуждаются и привлекают малоквалифицированную рабочую силу [11], необходимость в которой будет существовать еще длительное время. Особое место в этом противостоянии занимает сезонная миграция, играющая важную роль в больших экономиках. Сезонные работники обладают более низкой квалификацией, и поэтому эмиграция неквалифицированной и малоквалифицированной рабочей силы будет продолжаться в странах с самой строгой селективной политикой. Пример с потерями фермеров США во время ужесточения правительством 2017–2020 гг. допуска сезонных работников через мексиканскую границу (особенно в Калифорнии)²⁹ демонстрирует важность и необходимость иностранной рабочей силы.

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ СТАТИСТИКИ И БАЗЫ ДАННЫХ

Основные данные о миграции получают в результате национальных переписей населения. Вторым по значимости источником являются специальные обследования, например — рабочей силы Европейского союза³⁰. Базой данных по развивающимся странам выступает Отдел народонаселения ООН, дающий оценки численности международных мигрантов.

Одним из основных мировых центров информации о миграции является ВБ, который постепенно расширяет набор индикаторов международных миграционных потоков. Международная организация по миграции (МОМ) также имеет базу данных по миграции. Она начала свою деятельность как

логистическая организация помощи беженцам и перемещенным лицам, став в 2016 г. дочерней организацией ООН³¹, и координирует Сеть ООН по миграции, созданную в 2019 г. и включающую также УВКБ ООН, Всемирную продовольственную программу ООН (World Food Programme) и ПРООН. В свою очередь, МОМ может ориентироваться на Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции как необязывающую структуру сотрудничества государств. Глобальный мандат МОМ включает помощь не только беженцам и вынужденным переселенцам, которыми занимается также УВКБ ООН, но и трудовым мигрантам, где ее деятельность пересекается с МОТ. Внимание к функциям организаций ООН в области миграции связано не только с анализом их возможностей в регулировании миграционных потоков наряду с национальными правительствами. Проблема состоит в том, что эти организации занимаются и гуманитарной помощью *внутренне перемещенным* лицам в результате бедствий, и ее финансирование (которое обычно требуется экстренно) значительно сужает возможности их систематической работы в области международной миграции, что не может не отражаться на эффективности решения миграционных проблем.

Весомую роль не только в регулировании миграции, но и прежде всего в ее исследовании и накоплении базы данных, играют локальные международные организации и фонды. Необходимо отметить Международный центр развития миграционной политики (ICMPD), объединяющий 20 государств-членов и действующий более чем в 90 странах. В своих докладах/отчетах он с 2019 г. анализирует миграционные потоки в европейские принимающие страны и ситуацию в основных странах происхождения мигрантов, используя региональный подход.

Статистика ВБ по международной миграции выделяет, к сожалению, слишком укрупненные группы стран. Особенно неудовлетворительно выглядит группа с низким и средним уровнем подушевого дохода, так как в нее попадают наименее развитые страны (где эмигранты — это беженцы и нелегалы) и страны с доходом выше среднего (например, Россия, Казахстан), в которых преобладают трудовые мигранты, прибывшие по экономическим при-

²⁹ URL: <https://immigrationimpact.com/2017/08/14/farmers-struggle-labor-food-prices/>

³⁰ URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-union-labour-force-survey>

³¹ Мы не касаемся предшественников (predecessor) МОМ, которые входят в историю ее деятельности 1951–1989 гг. довольно условно.

Таблица / Table

**Крупнейшие страны-отправители и страны-получатели денежных переводов, млн долл. /
The largest countries in outflows and inflows of remittances, USD \$ million**

Страна	2022 г.		Страна	2023 г.	
	исходящие переводы	доля в ВВП, %		входящие переводы	доля в ВВП, %
США	81 636	0,3	Индия	125 000	3,4
Саудовская Аравия	39 349	3,6	Мексика	67 000	3,7
ОАЭ	39 673	7,8	Китай	49 500	0,3
Швейцария	33 550	4,1	Филиппины	40 000	9,2
Китай	18 256	0,1	Франция	34 000	1,1
Кувейт	17 744	10,1	Египет	24 200	6,1

Источник / Source: составлено автором по данным ВБ: World Bank-KNOMAD, December 2023 / compiled by the author on the basis of WB data: World Bank-KNOMAD, December 2023.

чинам. Поэтому основные миграционные потоки, отмечаемые ВБ, плохо сопоставимы. Так, выделение арабских стран Персидского залива очень важно не только из-за их весомой доли в мировой миграции — 17%, но и ввиду роли трудовых мигрантов в их экономиках (до 70% всей рабочей силы), и огромных гендерных различий мигрантов, не встречающихся более ни в каких потоках (до 90% мужчин). Кроме того, как своеобразный феномен в ряду глобальной миграции стоит отметить богатые страны этого региона, которые делятся на две группы: испытывающие потребность в мигрантах в результате недостатка населения трудоспособного возраста и рабочей силы и желающие ослабить давление на национальном рынке труда путем эмиграции из-за быстро растущего населения.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ/ РЕМИТТАНСОВ МИГРАНТОВ

В 2022 г. Глобальный центр знаний и политического опыта по вопросам миграции и развития (KNOMAD) Всемирного банка создал Международную рабочую группу по улучшению данных о потоках денежных переводов [12]. Это связано не только с необходимостью более точной и упорядоченной статистики ремиттансов, но и с важностью этого показателя в связи с ЦУР ООН, в том числе Целью 10 по снижению к 2030 г. стоимости денежных переводов до 3%.

В 2023 г. более 200 млн трудовых мигрантов отправили 669 млрд долл. США 800 млн членам

своих семей³². По итогам 2023 г., страны с максимальными объемами получаемых ремиттансов/денежных переводов (первая пятерка) — это быстроразвивающиеся экономики: Индия, Мексика, Китай, Филиппины, Египет (см. таблицу). Кроме того, важность переводов³³ для национальных экономик находит отражение в их доле в ВВП страны. Значительную часть приток денежных переводов составляет в ВВП Таджикистана (48%), Тонга (41%), Самоа (32%), Ливана (28%) и Никарагуа (27%). Но даже эти страны заинтересованы в возвратной миграции и реинтеграции [13]. С 2005 г. стал проводиться Глобальный форум по денежным переводам, инвестициям и развитию (GFRID)³⁴ с целью максимизации влияния этих «жизненно важных потоков на развитие»³⁵.

В таблице отобраны страны, где исходящие трансферты превышают 10 млрд долл. США³⁶. Среди крупнейших стран-получателей почти такой объем, как у Египта, наблюдается у Пакистана (24 млрд долл. США) и Бангладеш (23 млрд долл. США), и это столь же значимо для экономики данных стран: доля в ВВП составляет 7,0 и 5,2% соответственно.

³² URL: <https://www.ifad.org/en/ffr>

³³ Высокая доля подчеркивает важность денежных переводов для финансирования текущего счета и дефицита бюджета.

³⁴ Global Forum on Remittances, Investment and Development.

³⁵ URL: <https://gfrid.org/about/>

³⁶ Таковой Россия была до 2022 г.; максимум в предкризисном 2013 г. — 37,217 млрд долл.

В обеих группах присутствует Китай, для экономики которого оба вида личных трансфертов заметного значения не имеют.

Следует отметить, что в 2022 г. в России впервые поступающие денежные переводы стали *превышать* исходящие, что свойственно развивающимся странам, особенно бедным, для которых приток ремиттансов играет большую роль [14, с. 42]. Такая же ситуация длительное время наблюдается во Франции, что объясняется ее особым положением/местом среди государств ЕС; ее доля среди стран — получателей денежных переводов в ЕС — превышает одну пятую всего объема (20,4%), что значительно больше, чем у Германии (13,7%) и Бельгии (8,7%)³⁷. Приток ремиттансов во Францию демонстрирует большие возможности сезонной и приграничной миграции для государств, входящих в интеграционный союз. Так, за счет приграничной и сезонной миграции французов их переводы в 2022 г. из Швейцарии на родину составили 19,2 млрд евро, а из Люксембурга — 7,1 млрд³⁸. Сохраняющиеся связи Франции со странами, бывшими в XIX в. сферой ее влияния, способствуют трудовой иммиграции, поэтому самый высокий в ЕС отток личных трансфертов в страны вне союза — между Францией и Марокко — 2,7 млрд евро (2022 г.)³⁹. Но если Франция по такому важному макроэкономическому показателю, как ВВП на душу населения, находится в начале второй двадцатки стран мира, немного опережая среднедушевой ВВП по ЕС, то Россия — в конце списка первых пятидесяти стран, опустившись в 2022 г. еще на 5 мест по сравнению с 2021 г.⁴⁰ Данный факт отражает общеэкономическую ситуацию, влияющую на приток иностранной рабочей силы в российскую экономику.

Объемы денежных переводов, отправляемых трудовыми мигрантами из России, упали в 2023 г. в 3,8 раза по сравнению с 2018 г. (максимум после кризиса 2015/2016 гг.), что свидетельствует о реакции мигрантов в первую очередь на обесценение рубля и ухудшение условий найма, вызвавших отток иностранной рабочей силы. Так называемое «ко-

видное падение» составляло всего лишь четверть (24,4%), в то время как сальдо внешних мигрантов уменьшилась в 2020 г. почти в 2,7 раза⁴¹.

Значительная и возрастающая роль денежных переводов мигрантов для стран их происхождения достаточно широко освещена в научной литературе [15–17]. Поэтому остановимся лишь на одной проблеме этого экономического, финансового и социального феномена — стоимости переводов (личных трансфертов). Снижение данного показателя является одной из ЦУР 10 ООН (индикатор 10.A) и может оказать самое заметное влияние не только на семьи и домохозяйства мигрантов, но и на экономику стран их происхождения.

Согласно всемирной базе данных ВБ о ценах на денежные переводы, комиссия, взимаемая за них, остается стабильно высокой: по состоянию на II квартал 2023 г., она составила в среднем 6,2% за отправку 200 долл. США⁴² — больше, чем год назад. Банки по-прежнему — самый дорогостоящий канал отправки денежных переводов (в среднем — 12,1%), за ними следуют почтовые отделения (7%), операторы денежных переводов (5,3%) и мобильной связи (4,1%)⁴³.

Важность переводов и их стоимости подчеркивается не только всемирными организациями, но и Группой G20, так как более быстрые, дешевые и прозрачные услуги трансграничных платежей могут улучшить жизнь миллионов людей, прежде всего снизить бедность в домохозяйствах мигрантов [18], поддерживая экономический рост, международную торговлю, глобальное развитие и доступность финансовых услуг. G20 считает такой прогресс приоритетным. Но это не относится к нелегальным мигрантам, которые в большинстве случаев лишены возможности отправки личных трансфертов через легальные источники и вынуждены пользоваться личными каналами. Подтверждая цель устойчивого развития ООН, G20 поставила задачу, чтобы к 2030 г. средняя глобальная стоимость отправки денежных переводов была не более 3% (в расчете на 200 долл. США) и при этом не было миграционных коридоров, где бы она превышала бы 5%.

Реалии свидетельствуют, что в настоящее время стоимость переводов между самими развиваю-

³⁷ URL: <https://biteffect.net/ru/kto-lider-po-denezhnym-perevodam-v-evrope/>

³⁸ URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Personal_transfers_and_compensation_of_employees#Western_European_countries_were_amongst_the_main_senders_and_recipients_of_these_cross-border_flows

³⁹ Там же.

⁴⁰ Рассчитано по: URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>

⁴¹ Рассчитано по: URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

⁴² URL: <https://remittanceprices.worldbank.org/>

⁴³ URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/12/18/remittance-flows-grow-2023-slower-pace-migration-development-brief>

щимися странами не только многократно больше этого порога, но и кажется немыслимой в XXI в. Так, комиссия превышает 50% за средства, отправленные из Турции в соседнюю Болгарию, а в странах Африки к югу от Сахары за денежные переводы из Танзании в Уганду и Кению взимаются сборы, превышающие 30%. В ЮАР пересылка через границы с соседними Ботсваной, Эсватини и даже южноафриканским анклавом — Королевством Лесото — обходится особенно дорого. При этом необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, ЮАР с 2023 г. стала членом G20, а с другой — этот клуб имеет План по облегчению потоков денежных переводов (*G20 plan to facilitate remittance flows*), в котором действия ЮАР уже прописаны, и средняя стоимость переводов в 2021 г. должна была снизиться до 5%. В то же время в 2021 г. в среднем по G20 данный показатель составил 8,12%, что почти в 4 раза ниже действующей комиссии в ЮАР. Можно лишь надеяться, что вступление страны в Клуб будет способствовать снижению этого целевого показателя⁴⁴, — без чего план G20 ждет провал.

Если внешнеполитическое давление в приведенных примерах находится вне разумных экономических связей и в этом аспекте в отношении ремиттансов не вызывает вопросов, то стоимость переводов иностранной рабочей силы между странами, интегрирующими свои экономики на основе Соглашения о свободной торговле стран Африки (AfCFTA)⁴⁵, показывает незаинтересованность подписавших его государств в его наполнении содержанием — ликвидацией границ для свободного движения капиталов, товаров, услуг и, разумеется, рабочей силы.

Стоит также отметить, что число трудовых мигрантов увеличивается медленнее, чем объемы их денежных переводов, что может указывать на рост средних заработков мигрантов в результате повышения их квалификационных характеристик и улучшения качества рабочей силы.

РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ/ НЕРЕГУЛЯРНОЙ МИГРАЦИИ

Ситуация рассматривается с позиций, ориентированных на международное право, с точки зрения страны исхода и той, куда страна наплыва собирается отправить мигрантов — является ли этот реги-

он (страна) безопасным для них или нет. Поэтому мигранты/беженцы, прибывшие из страны, которая не является для них опасной, будут считаться не потенциальными беженцами, а неблагополучными мигрантами, не имеющими прав на получение статуса беженца и не нуждающихся в международной защите.

Хотя считается, что Европейский миграционный кризис остался в прошлом, проблемы нерегулярной миграции столь же актуальны практически для всех европейских стран, имеющих выход к Средиземному морю. Так, Испания в 2023 г. ощутила новую волну нерегулярной миграции: число прибывших нелегалов возросло на 82,1%, что оказывает значительную нагрузку на принимающую сторону. Особо это касается Канарских островов, куда легко добраться по воде, — за 2023 г. число прибывших туда возросло более чем в 2,5 раза (на 154,5%), до 39,9 тыс. чел.⁴⁶

Несмотря на преобладание исследований проблем иммиграции в развитых странах, ее основными коридорами остаются те, что существуют в рамках развивающихся стран. Отношение к этим потокам в XXI в. кардинально изменилось. Так, национальные планы развития Уганды на 2016–2020 и 2021–2025 гг. предусматривали обеспечение комплексного решения задачи развития для беженцев и принимающих их сообществ, и страна стала одной из первых в мире, где беженцев интегрировали в национальные планы развития. Для этого был принят *общий для всех* правительственных учреждений подход⁴⁷, предусматривающий меры на районном уровне для обслуживания всего населения: как граждан Уганды, так и беженцев.

ВЫВОДЫ

Всемирный банк советует национальным правительствам обеспечить участие частного сектора, гражданского общества и местных органов власти в разработке миграционной политики. В условиях назревшей необходимости ее коррекции в Российской Федерации, о которой свидетельствуют многочисленные инициативы законодательной, исполнительной власти и общественных объединений, государству и обществу

⁴⁴ Как предполагается, путем развития конкуренции и давления на стоимость денежных переводов в ЮАР.

⁴⁵ The African Continental Free Trade Area.

⁴⁶ Источник: информация МВД Испании. file:///C:/Users/Asus/Downloads/Presentaci%C3%B3n%20de%20PowerPoint%20-%2024_informe_quincenal_acumulado_01-01_al_31-12-2023%20(1).pdf.

⁴⁷ Мы подчеркиваем этот факт, так как в России даже статистические данные по мигрантам разных ведомств значительно расходятся.

необходимо осознать роль частного бизнеса и местной власти в перспективном видении проблемы иммиграции, что более плодотворно, чем политика быстрого реагирования на частые изменения ситуации конъюнктурного характера. Кроме того, местная власть/ муниципалитеты находятся в авангарде сил, которые принимают решения по проблемам реагирования и интеграции мигрантов. Поэтому опираться надо на них, что особенно важно для таких больших стран, как Россия, США и Канада.

В XXI в. трудовая миграция — это важный макроэкономический фактор как для развивающихся стран, так и для «старого» мира, влияние которого будет только усиливаться в связи с объективным процессом демографического старения и снижения рождаемости в развитых странах. Поэтому многие страны происхождения трудовых мигрантов идут на проведение специальной миграционной политики⁴⁸, чего так не хватает государствам на постсоветском пространстве.

Необходимо подчеркнуть отличия в отношении к миграции в политике принимающих стран в ны-

⁴⁸ Например, правительство Папуа-Новой Гвинеи для облегчения трудовой миграции в Австралию в рамках Тихоокеанской схемы трудовой мобильности.

нешнем и прошлом веках, заключающееся в том, что теперь навыки и качества иммигрантов должны соответствовать потребностям принимающих их стран. Очень важно, что этот принцип разделяется и многими странами оттока мигрантов, которые стремятся регулировать происходящие процессы в этом ключе. Данные изменения ведут к оптимизации регулируемых потоков и максимизации выгод от них как для стран приема, так и назначения.

Миграционная политика таких государств, как США, Канада и Германия, должна основываться на фидуциарной обязанности федеральных правительств по защите репутации этих стран как равноправных сообществ для любых внешних мигрантов, независимо от их этнической, культурной или гендерной принадлежности.

Завершая исследование, обратимся к эпиграфу доклада ВБ, взятому из парсийской легенды: «Они [иноземцы] растворяются в обществе, как сахар растворяется в молоке, подсластив жизнь общества, но не нарушив ее» [3, p. iv]. Способны ли современные общества воспринимать мигрантов — выходцев из весьма отличных от их культур так же, как это делало парсийское общество 1000 лет назад?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hanson G., Liu Ch. Immigration and occupational comparative advantage. *Journal of International Economics*. 2023;145:103809. DOI: 10.1016/j.jinteco.2023.103809
2. Malit F. T., Jr., Tsourapas G. Migration diplomacy in the Gulf — non-state actors, cross-border mobility, and the United Arab Emirates. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021;47(11):2556–2577. DOI: 10.1080/1369183X.2021.1878875
3. De Bel-Air F. Demography, migration, and the labour market in the UAE. *Gulf Labour Markets, Migration and Population. Explanatory Note*. 2018;(1). URL: https://gulfmigration.grc.net/media/pubs/exno/GLMM_EN_2018_01.pdf
4. Garratt U. The migration of domestic workers from the Philippines to the UAE and the Kafala system. *Academia Letters*. 2021. Article 1033.
5. Ткаченко А.А. Роль МОТ в международных процессах: к столетию международной организации. *Международные процессы*. 2019;17(3):36–50. DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.3
6. Hooghe L., Marks G. Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy*. 2019;26(8):1113–1133. DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711
7. Balla E. The European Union's response to the Syrian refugee crisis. In: Stephenson M. O., Jr., Stivachtis Y. A., eds. *Policy and politics of the Syrian refugee crisis in Eastern Mediterranean states*. Bristol: E-International Relations; 2023:55–74.
8. Аватков В.А., Якимова Д.А. Отношения Германии и Турции на фоне миграционного кризиса. *Современная Европа*. 2020;(3):51–60. DOI: 10.15211/soveurope320205160
9. Schimmelfennig F. European integration (theory) in times of crisis. A comparison of the euro and Schengen crises. *Journal of European Public Policy*. 2018;25(7):969–989. DOI: 10.1080/13501763.2017.1421252
10. De Coninck D., Solano G. Integration policies and migrants' labour market outcomes: A local perspective based on different regional configurations in the EU. *Comparative Migration Studies*. 2023;11(1):23. DOI: 10.1186/s40878-023-00347-y

11. Chudinovskikh O., Kharaeva O. Migration policy towards skilled labor in the Russian Federation. *BRICS Journal of Economics*. 2020;1(2):80–102. DOI: 10.38050/2712–7508–2020–11
12. Ratha D., Plaza S., Ju Kim E., Chandra V., Kurasha N., Pradhan B. Remittances remain resilient but are slowing. *Migration and Development Brief*. 2023;(38). URL: <https://reliefweb.int/report/world/migration-and-development-brief-38-remittances-remain-resilient-are-slowing-june-2023-enarjaruzh>
13. Ульмасов Р.У., Махмадбекзода М.Ш. Политика государства в реинтеграции граждан, возвратившихся из трудовой миграции. *Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет)*. 2023;(3):317–327.
14. Ткаченко А.А. Ремиттансы как новое явление глобальной экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2014;(2):36–42.
15. Садовская Е. Денежные переводы трудовых мигрантов и их роль в мигрантских домохозяйствах стран Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ*. 2006;(3):130–144.
16. Тоганян А.С., Григорян Г.Р., Кеворкова Ж.А. Исследование влияния денежных переводов и миграционных процессов на экономику и экономическую безопасность стран доноров и реципиентов миграции. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2021;(8):47–59. DOI: 10.17308/meps.2021.8/2653
17. Ткаченко А.А., Гинойан А.Б. Место ремиттансов в финансовых потоках в развивающиеся экономики. *Финансы: теория и практика*. 2017;21(6):94–107. DOI: 10.26794/2587–5671–2017–21–6–94–107
18. Денисова И.А., Оксиненко В.Г., Чуудиновских О.С. Влияние общего рынка труда ЕАЭС на уровень благосостояния домохозяйств мигрантов (на примере Армении). *Прикладная эконометрика*. 2022;(1):29–44. DOI: 10.22394/1993–7601–2022–65–29–44

REFERENCES

1. Hanson G., Liu Ch. Immigration and occupational comparative advantage. *Journal of International Economics*. 2023;145:103809. DOI: 10.1016/j.jinteco.2023.103809
2. Malit F. T., Jr., Tsourapas G. Migration diplomacy in the Gulf – non-state actors, cross-border mobility, and the United Arab Emirates. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021;47(11):2556–2577. DOI: 10.1080/1369183X.2021.1878875
3. De Bel-Air F. Demography, migration, and the labour market in the UAE. *Gulf Labour Markets, Migration and Population. Explanatory Note*. 2018;(1). URL: https://gulfmigration.grc.net/media/pubs/exno/GLMM_EN_2018_01.pdf
4. Garratt U. The migration of domestic workers from the Philippines to the UAE and the Kafala system. *Academia Letters*. 2021. Article 1033.
5. Tkachenko A.A. The importance of the International Labour Organization (ILO) in international processes: The centenary of the international organization. *Mezhdunarodnye processy = International Trends*. 2019;17(3):36–50. (In Russ.). DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.3
6. Hooghe L., Marks G. Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy*. 2019;26(8):1113–1133. DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711
7. Balla E. The European Union’s response to the Syrian refugee crisis. In: Stephenson M. O., Jr., Stivachtis Y. A., eds. *Policy and politics of the Syrian refugee crisis in Eastern Mediterranean states*. Bristol: E-International Relations; 2023:55–74.
8. Avatkov V. A., Yakimova D. A. Relations between Germany and Turkey in the context of the migration crisis. *Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe*. 2020;(3):51–60. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope320205160
9. Schimmelfennig F. European integration (theory) in times of crisis. A comparison of the euro and Schengen crises. *Journal of European Public Policy*. 2018;25(7):969–989. DOI: 10.1080/13501763.2017.1421252
10. De Coninck D., Solano G. Integration policies and migrants’ labour market outcomes: A local perspective based on different regional configurations in the EU. *Comparative Migration Studies*. 2023;11(1):23. DOI: 10.1186/s40878–023–00347-y
11. Chudinovskikh O., Kharaeva O. Migration policy towards skilled labor in the Russian Federation. *BRICS Journal of Economics*. 2020;1(2):80–102. DOI: 10.38050/2712–7508–2020–11
12. Ratha D., Plaza S., Ju Kim E., Chandra V., Kurasha N., Pradhan B. Remittances remain resilient but are slowing. *Migration and Development Brief*. 2023;(38). URL: <https://reliefweb.int/report/world/migration-and-development-brief-38-remittances-remain-resilient-are-slowing-june-2023-enarjaruzh>

13. Ulmasov R. U., Mahmadbekzoda M. Sh. State policy in the reintegration of citizens returning from labor migration. *Vestnik universiteta (Rossiisko-Tadzhikskii (Slavyanskii) universitet) = The University Bulletin. Russian-Tajik Slavonic University*. 2023;(3):317–327. (In Russ.).
14. Tkachenko A.A. Remittance as a new phenomenon of global economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2014;(2):36–42. (In Russ.).
15. Sadvskaya E. Remittances from labor migrants and their role in migrant households in Central Asian countries. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz = Central Asia and the Caucasus*. 2006;(3):130–144. (In Russ.).
16. Toghanyan A. S., Grigoryan G. R., Kevorkova Zh. A. Research of the impact of remittances of migration processes on the economy and economic security of donor and recipient countries. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern Economics: Problems and Solutions*. 2021;(8):47–59. (In Russ.). DOI: 10.17308/meps.2021.8/2653
17. Tkachenko A. A., Ginoyan A. B. The place of remittances in financial flows into developing economies. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2017;21(6):94–107. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2017–21–6–94–107
18. Denisova I. A., Oksinenko V. G., Chudinovskikh O. S. The impact of the EAEU common labor market on the well-being of households of migrants: The case of Armenia. *Prikladnaya ekonometrika = Applied Econometrics*. 2022;(1):29–44. (In Russ.). DOI: 10.22394/1993–7601–2022–65–29–44

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Александрович Ткаченко — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexander A. Tkachenko — Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>
alaltkachenko@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.01.2024; после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 14.03.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 15.01.2024; revised on 10.02.2024 and accepted for publication on 14.03.2024.
The author read and approved the final version of the manuscript.